

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Максим ШАХОВ

БОМБА

ПОД ПРЕЗИДЕНТСКИЙ
КОРТЕЖ

Спецназ. Группа Антитеррор

Максим Шахов

Бомба под президентский кортеж

«ЭКСМО»

2014

Шахов М. А.

Бомба под президентский кортеж / М. А. Шахов — «Эксмо»,
2014 — (Спецназ. Группа Антитеррор)

ISBN 978-5-699-75725-1

Президент России инспектирует новую федеральную трассу в Восточной Сибири. Его кортеж несется из Забайкальского края в Хабаровский, впереди две тысячи километров, три дня пути. В самый разгар мероприятия в Федеральную службу охраны поступает информация о готовящемся теракте: на пути следования президентского кортежа заложено несколько фугасов, где именно – неизвестно. Начальник ФСО генерал Кравцов собирает экстренное совещание, на котором принимается решение не останавливать кортеж. В Сибирь в срочном порядке слетаются лучшие бойцы спецназа страны. Им приказано найти и обезвредить взрывные устройства. Любой ценой.

ISBN 978-5-699-75725-1

© Шахов М. А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Максим Шахов
Бомба под президентский кортеж

© Шахов М., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Сон был тревожный, мучительный. Да и не сон это был, а бесконечное плутание в наркотическом дурмане. И опять, как всегда, мокрая подушка, мокрые подмышки, кислая вонь пота и отвратительный привкус во рту.

Он стиснул голову руками и застонал, повернувшись на бок на своем ложе из досок, двух рваных, прогнивших от времени матрацев и ватной подушки, которая пропахла грязью. Опять самым ярким воспоминанием этого наполовину сна, а наполовину бреда была вспышка выстрела и разлетающиеся по стене палатки темные брызги. Голова «туриста» дернулась, и он повалился вперед, комком окровавленного тряпья ткнулся в траву.

Зачем? Мобильник, фотоаппарат, две тысячи рублей... и карточка, чтоб ее век не видеть! Хоть ты тресни, а снять с нее ничего не снимешь. И не за это ведь убил, не из-за денег, а потому что обидел сильно, посчитал его, Леху Костенева, не за человека. Выпить не захотел, сука! Это было как наваждение, как будто туман застлал башку и глаза. Где-то в этой башке гвоздем засела злоба и мыслишка какая-то. Нет! Сразу про деньги и мобильник он не подумал, нет! Это потом уже он придумал забрать все ценное, что можно толкнуть через знакомых. Или сразу так придумал? Ох, не помню, ломало меня тогда, хотел хоть водочкой подлечиться да с мужиком иногородним побазарить. Ну, может, бабла бы одолжил... Я б потом ему выслал. По почте. А он... Сука!

Леха сполз с лежанки, нашарил под ногами рваные калоши, в которых вчера бродил в темноте с Владькой по его участку в поисках огурцов. Теперь мысль насчет огородов показалась страшной. Лехе вообще уже второй день было страшно. Страшно после того, как выстрелил в затылок проезжему и заночевавшему в палатке мотоциклисту. Страшно после того, как обшарил и припрятал кое-что из его вещей. Страшно было катить по краю леса этот странный мотоцикл или скутер, как там их называют. Страшно было копать яму и затаскивать туда труп. Зачем прямо за огородами, зачем такую мелкую выкопал? Ведь собаки или лисы обязательно выроют. А-а, вспомнил, сил не было и светать должно было уже. Пока сообразил, что труп прятать надо, пока лопату стянул в поселке...

До зорьки вчера с Владькой засиделись, а сейчас уже... семь вечера? Леха побродил по дому, спотыкаясь о табуретки, нашел наконец початую бутылку портвейна. Сделав несколько глотков и вытерев ладонью рот, он сидел на краю лежанки и тупо смотрел в стену. В голове понемногу прояснялось, мысли становились четче, выстроились в жиденькую шеренгу и потекли в голове... потекли.

Труп придется выкапывать и... лучше сжечь! Ага, сжечь! Хрен кто его опознает, подумают, что бомж какой-нибудь. А еще лучше, чтобы подумали, что он сам сгорел. Грелся и сгорел! Леха схватил себя за голые плечи, худые ключицы, торчавшие из-под серой от грязи майки. Его опять начало трясти. Сначала он подумал, что от радости от удачной мысли, но потом понял, что все равно от страха. Страшно! Страшно, как будто мертвец схватит за руку! Схватит и спросит: «А зачем ты меня убил?»

До часу ночи Леха таскал от шиномонтажной мастерской в балку старые покрышки. Тяжело было, но он все таскал и таскал. Леха обливался потом, спотыкался, останавливался, чтобы отдышаться, но все равно перетащил десять автомобильных покрышек. Потом он далеко обошел огороды, нашарил в темноте портвейн и выпил в два присеста целую бутылку. Сразу потеплело, сразу стало спокойнее и даже как-то веселее на душе. Фигня, кто его найдет! Делов-то на два часа, а потом живи и радуйся. И Владька обещал толкнуть в Жарково «мобилу» и «фотик». Какой-то кореш у него там нарисовался, обещал помочь.

Леха поднялся на ноги, пошатнулся и оперся на черенок чужой лопаты. Спокойно! Надо сходить и доделать это дело. Лехе показалась смешной придуманная фраза. Он хмыкал, крутил

головой и шел, задевая лопатой за кусты. И только когда он подошел к чернеющему среди травы небольшому холмику, ему опять стало страшно. Выкопать он выкопает, а как тащить? Вот ведь дела! В обнимку, что ли? Или на хребте? Леху снова стал бить озноб.

На негнущихся ногах он добежал до дома, кое-как открыл дверь деревянного сарая и долго рылся в темноте, пока не нашел то, что искал. Старый брезент... вот хорошо, что не выбросил! Трясущимися руками свернул пропахшую мышами толстую ткань и снова поспешил к огородам. Только ноги уже так быстро не несли.

Потом с лязгом зубов Леха втыкал в землю лопату и отбрасывал в сторону комья, втыкал и отбрасывал. А потом лопата ткнулась в мягкое. Леха вытер рукавом нос, сплюнул и стал работать аккуратнее, больше отгребал, чем рыл. И когда наконец показались носки ботинок с толстой подошвой, Леха облегченно вздохнул. Ухватившись обеими руками за ботинки, он принялся тянуть. Он падал, вставал, снова хватался и тянул. Ботинки выскальзывали из потных рук, дыхание стало прерывистым, а сердце билось так, что готово было выскочить из груди.

Наконец тело поддалось, пошло, раздвигая землю. Закоченелые мертвые руки как будто цеплялись пальцами за рыхлую землю, а лицо было черным, черной дырой зиял приоткрытый рот. Леха кое-как затащил тело на брезент, повернулся, ухватил через плечо один конец и, пошатываясь от напряжения, с натугой потащил свой страшный груз. Потом опомнился, бросил брезент и снова вернулся к яме. Очень старательно закопал, разровнял землю и чуть было сдуру не притоптал ногами.

Потом снова вернулся и поволок по траве тело. В балке с одышкой и сердцебиением он долго обкладывал труп покрывками, потом долго пытался поджечь. Покрывки занимались плохо, чадили. Лехе хотелось вернуться, проломить дверь в мастерской и найти там бутылку с бензином или соляжкой. Что-то там такое было.

Постепенно балка осветилась разгоревшимися наконец покрывками. В небо поднялся черный столб, который было видно даже на фоне беззвездного неба. Вонь горевших покрывок стала смешиваться с тошнотворным запахом горелой плоти. От этого запаха, от напряжения и страха, от выпитого за день Леху вывернуло наизнанку. Рвало долго. Он пытался уйти из балки, падал на колени и снова содрогался в диких спазмах. И только отойдя почти на километр, он немного успокоился. Теперь все, теперь страх уйдет... Теперь бы... чего-нибудь такого, для поддержания организма!

Андрей Владимирович Прощерин не любил скоропалительных решений, неподготовленных встреч и непродуманных поступков. Оттого-то сегодняшняя встреча вызывала у него только раздражение. Хотя причин для раздражения хватало и без этого.

Старший советник юстиции Александр Сергеевич Козлин был давним знакомым Прощерина. Можно было бы даже сказать, что и старым другом, только язык не поворачивался называть другом человека, все отношения с которым выстраивались исключительно на взаимовыгодной основе. Более того, по своей форме их отношения выглядели как отношения работодателя и работника. Козлин выполнял просьбы и поручения Прощерина, а Прощерин платил ему. Но говорить такое вслух было не принято. Особенно в присутствии Козлина. Как же! Офицер, офицерская честь! Прощерину иногда казалось, что это не сотрудник краевой прокуратуры попал в зависимость от местного крупного предпринимателя, а наоборот. Столько самомнения и спеси было в Козлине. Правда, просьбы он выполнял всегда и со стопроцентным успехом.

– Так, что у тебя? – начальственным тоном спросил Козлин, когда Прощерин пересел к нему в машину на берегу Читинки неподалеку от Парка Победы.

Андрей Владимирович посмотрел на остроносое, с маленьким подбородком, лицо прокурорского работника и на миг замер, собираясь с мыслями и отгоняя опять нахлынувшее раздражение. Когда это началось? Лет десять назад, когда молодой начинающий и очень упертый предприниматель Андрей Прощерин впервые столкнулся с непреодолимым препятствием

в борьбе за победу в конкурсе на крупный подряд в бюджетной сфере. Тогда он все взвесил и пришел к выводу, что помочь ему сможет кто-то, кто в состоянии проверить дело с нарушением закона в деятельности главного конкурента. И такого человека он нашел в лице молодого и деятельного Александра Козлина, тогда всего лишь юриста 2-го класса.

Да, примерно за десять лет они выросли оба бок о бок. Прощерин в крупного бизнесмена, владельца нескольких специализированных фирм строительного профиля. В том числе он выполнял подряды и на строительстве трассы М-58 «Амур». А Козлин поднялся до старшего советника юстиции, что в соотношении с армейским рангом соответствует полковнику. И работал он теперь в краевой прокуратуре, что открывало широчайшие возможности. Перед одним – в желании решить кое-какие проблемы, перед другим – в возможности их решить.

Только вот с годами Козлин поменял деловитые и энергичные интонации в беседе с Прощериным на лениво-начальственные. Как же! Хозяин жизни! И именно он, а не бизнесмен. Бизнесмен умеет только зарабатывать деньги, а вот перед законом он гол, как новорожденный. А Козлин этим законом крутит как хочет. И даже Прощерин к нему бежит за помощью. Так-то!

– Так что у тебя?

– В двух словах и не расскажешь, – вздохнул Прощерин, крепко пожимая протянутую ему узкую ладонь.

– Большой бизнес – большие проблемы, – со знанием дела ответил Козлин. – Живи проще, и не будет проблем.

– Так, как живешь ты? – не сдержался от злой иронии Прощерин.

– А что? – рассмеялся собеседник. – У меня проблем нет. У меня работа другая, я – прокуратура! А это в нашей стране что-то да значит. И еще долго будет значить.

– Понятно, – угрюмо кивнул Прощерин, у которого стало пропадать желание говорить. Зато очень четко проявилось желание послать всю свою жизнь к чертям кошачьим и сдать этого зажавшегося, зазнавшегося хлыща с полковничьими погонами.

Андрей Владимирович потер переносицу и взял себя в руки. Хорошо бы, конечно, посмотреть, как этот тип будет сидеть на скамье подсудимых за взяточничество и использование служебного положения в целях наживы. Хорошо посмотреть, как он будет жалобно и уныло лупать глазами из застекленной кабинки в суде, как он будет смотреться между двумя прапорщиками из конвоя. Плечистые детины с бесстрастными лицами и этот осунувшийся, жалкий, со следами слезшей с него позолоты... Скотина!

– Ладно, ладно, – похлопал Прощерина по руке Козлин, – давай рассказывай. Есть проблемы – решим. Чай, не чужие!

Прощерин сдержал вздох, собрался с духом, чтобы интонации его голоса не звучали просительно, и начал рассказывать. Рассказывать, как складывались его контракты, как удалось зацепиться за госконтракты на трассе «Амур», сколько пришлось откатывать на разных уровнях. О том, что выполнение работ буксует из-за нехватки финансирования. Оставшихся по смете после откатов денег, естественно, не хватает на то, чтобы соблюдать все технологии. Приходится их нарушать, а это вскроется в первый же год эксплуатации. А проблемы кое с кем в аппарате местного федерального округа появляются уже сейчас. Там аппетиты дикие даже по масштабам округа. И если идти им навстречу, то фирма обанкротится полностью. Если не идти, то покрывать финансовые аферы там не будут. Но тогда получится, что все откаты были сделаны напрасно и крайним останется руководство фирмы-подрядчика. В данном случае это сам Прощерин и его партнер Паша Волков.

– И вся проблема заключается в одном человеке! – заключил свой рассказ Прощерин.

– В этом, в твоём партнере?

Прощерин помедлил немного, потом ответил:

– В одном сотруднике аппарата представителя президента в нашем федеральном округе. Либо я нахожу с ним общий язык, либо я нахожу рычаги против него. Видимо, в Москве у него приличная крыша, потому что действует он без боязни и очень уверенно.

– И ты хочешь, чтобы я на него наехал? Это на человека с такими связями. Извини, но тут краевая прокуратура бессильна, тут заниматься, если коснется, будет Генеральная прокуратура.

– Я и не прошу тебя с ним связываться, – покачал головой Прощерин. – Тут нужна иная схема.

– Например?

– Вот смотри! У нас в Забайкалье хорошо живет лишь тот, кто сидит на бюджетных деньгах, а в целом край довольно посредственный, население нищее, но среда в целом благоприятная. Полиция ни хрена не работает, твои товарищи, извини меня, тоже «бамбук курят». Остальные вяло и монотонно дерут деньги с населения. Сколько лет уже трассу строят!

– Ну, ты еще вспомни, что начали ее строить в 60-е, – рассмеялся Козлин.

– А ты знаешь, как трассу «Амур» в народе называют? «Дорога смерти»!

– Это чего так?

– Ты в краевом центре сидишь, с высоты своего кабинета многого не видишь и уж точно не слышишь, потому что вслух такое рассказывать нельзя. Иначе благоприятное представление о Забайкалье пропадет. А у меня шоферов больше сотни, а они с дальнобойщиками общаются, а дальнобойщики с местными, кто кафе держат, кто на заправках работают. Разбой, Саша, у нас на дорогах, самый настоящий разбой. А еще у нас убитые дороги, гнилые мосты. Ну, о причинах мы с тобой только что говорили. А вот если дальше на восток проехать, то постепенно количество европеоидных лиц станет встречаться все меньше и меньше. А все чаще начнут мелькать китайские лица. А потом и не мелькать даже, а просто смотреть на тебя в основной массе прохожих. Так что, Саша, у нас тут на востоке страны вообще никто не работает, а когда государственные структуры не работают, то вместо них начинают работать криминальные структуры. Вот это мы и имеем. Скоро опомниться не успеем, как окажемся живущими в Китае, да еще бесправными гражданами. Не боишься в один прекрасный день проснуться в Китае?

– Типун тебе на язык!

Они еще долго обсуждали положение в крае и вообще на востоке страны. Прощерин говорил, а сам все думал о своем партнере. В каких бы они тесных отношениях с Козлиным ни были, а о своих подозрениях все равно рассказывать не стоит. И тот предаст, если ему будет выгодно, и этот. А дело серьезное, и как выбраться из этой сложной ситуации, Андрей Владимирович пока не знал.

Альберт Лоскутов сидел у окна за приставным столиком в зале заседания правительства. Таких, как Лоскутов, называли «чернорабочими аппарата» или «ответственными за все». Правда, сами «чернорабочие» предпочитали о своей работе думать и говорить как о работе офицеров для особых поручений или адъютантов. Обязанности в соответствии с текущей проблемой, ответственность в соответствии с порученным конкретным заданием. Помнить все, заранее предвидеть и готовить информацию, быть постоянно в курсе развития событий.

Формально Лоскутов числился по Департаменту протокола администрации президента, но фактически балансировал между этим департаментом, секретариатом и ФСО. А зачастую еще и между другими департаментами и службами, из сотрудников которых, как говорилось в официальных документах, шло «формирование подготовительных и передовых групп, осуществляющих подготовку поездок в субъекты Российской Федерации и визитов за рубеж президента Российской Федерации».

Сложно. Но сложно в Москве, а в регионах проще, потому что громоподобный звонок из Кремля – и тебя встречают как самого... и магическое сопроводительное письмо и удо-

ствоверение тоже действует. Полномочия всегда на разном уровне, но это уже зависит от твоего личного опыта. Обычно Лоскутов подчинялся руководителю группы, координировавшего предстоящую поездку главы правительства. А также отвечающему за регламент во время ее прохождения. Сегодня его отправили на заседание, а это значит, что возможен приказ о подготовке визита.

Президент был раздражен, хотя и скрывал свое раздражение за едкой вежливостью в обращении к министрам и руководителям департаментов. Хотя, насколько Лоскутов уже убедился, у президента видимое настроение не всегда соответствовало истинному. Очень часто это была тщательно продуманная и подготовленная акция. Каждый разнос, как бы спонтанно он ни проходил на заседании правительства, был спланирован заранее, срежессирован. И не всегда означал то, что виделось. Реприманды в адрес одного министерства могли означать, что недовольство имеет гораздо более глубокие корни и что истинная вина лежит совсем в иной плоскости. Хорошо, если многие понимали эту цепочку, связку проблемы. Те, кто не понимал, обычно покидали свои кресла.

– Проблемы Сибири и Дальнего Востока, – в обычной своей манере лектора говорил президент, – имеют для страны стратегическое значение. Это стратегические проблемы, и решать их необходимо не походя, когда руки дойдут, а целенаправленно, в рамках существующих целевых программ. Прошло полгода, а я так и не вижу результатов работы соответствующих министерств и департаментов по тем моим распоряжениям, которые я давал еще в апреле.

Переход к невыполненным поручениям был, как всегда, неожиданным и угрожающим, несмотря на мягкость тона. Многие зашевелились в зале и стали обмениваться многозначительными взглядами с коллегами, референтами, помощниками.

– Я попросил поднять для меня некоторые цифры и данные по выполнению строительных работ на трассе «Амур», – продолжал президент, обводя присутствующих взглядом. – Результаты меня, мягко говоря, не впечатлили. За полгода можно было трассу закончить совсем, а я вижу такие цифры, от которых оторопь берет. Или у нас финансирование утекло куда-то в сторону, или на местах работать не хотят. Тогда непонятно, зачем было бороться подрядчикам за наши госконтракты? Ну и сидели бы по своим офисам и поплевывали в потолок.

Где-то защелкали клавиши на ноутбуках, где-то защелестели листки бумаги. Информация, заметки, жирные вопросы, памятки, обведенные двойным и даже тройным угрожающим кружком фамилии и наименования организаций...

– Далее, – продолжал президент, бросив взгляд на листки со своими конспектами. – Все более и более угрожающая информация поступает у нас с Дальневосточного региона. Бесконтрольная миграция граждан сопредельного Китая начинает приобретать просто мифические очертания. У нас что, граница там открылась? Могли бы и меня в известность поставить! Или она у нас такая дырявая? По-моему, мы весной говорили о квотах, о подготовке двустороннего договора с китайской стороной. Или соответствующий департамент считает, что проблема уже снялась? Может, начнем наконец работать!

То, что было произнесено не «министерство», а «соответствующий департамент», означало, что претензии не лично к министру, хотя мог бы и проконтролировать. Мало ли что он находился в отъезде. А заместители на что? Вот на чью исполнительность надо обратить внимание.

– И еще мне хотелось бы обратить ваше внимание, – сосредоточенно повел президент бровями, – на тот факт, что поток машин с правым рулем, или, как их в народе называют, «праворулек», заметно вырос. Я давал поручение разработать не только экономические рычаги по противодействию потоку старых машин с востока, но и поддержанию отечественного производителя. Стимулирование производства можно проводить и без дотаций и других госвливаний в производителя. Так он у нас совсем перестанет сам думать о развитии. Нужны и иные

меры и способы продвижения отечественной автомобильной продукции на рынке, повышения ее престижа.

Многие в зале переглянулись. Третий вопрос выглядел несколько странно на фоне стратегических проблем Восточной Сибири и Дальнего Востока. Тем более что многие помнили о вопросе с отечественным автопроизводителем. Он ставился на повестку дня всего лишь два месяца назад.

– Так, уважаемые коллеги, работать нельзя, – вдруг подвел итог президент. – У меня около недели осталось времени до совещания во Владивостоке? Вот я сам и проеду по трассе, лично посмотрю проблему изнутри. Истинное состояние проблемы! Прошу подготовить поездку через три дня...

Лоскутов поймал на себе взгляд своего шефа и кивнул. Значит, аврал! Вообще-то они готовили поездку президента на Дальний Восток, но готовили в штатном режиме. И речь шла о совещании по итогам строительства объектов саммита АТЭС. Проводить его планировалось в офисе ФГУ «Дальневосточная дирекция Министерства регионального развития РФ». Это тоже было приказом президента, хотя сама дирекция официально в подготовке объектов саммита не участвовала. Значит, речь пойдет и о координации работы на Дальнем Востоке. Значит, дирекция только официально не принимала участие, а фактически несла ответственность. Вот откуда информация.

Телефон в кармане завибрировал, и Лоскутов быстро посмотрел на экран, продолжая думать об изменениях регламента поездки. Звонила жена...

Такси остановилось прямо напротив арки на четной стороне Красной Пресни. На тротуар вышел статный плечистый человек в хорошем костюме с небольшим кейсом в руке. От бросил взгляд вправо и исчез в арке между двумя домами. Чувствовалось в его осанке, в посадке головы, что этот человек привык командовать, принимать решения и нести высокую ответственность. Такое чувствуется всегда, но даже не у всех больших чиновников. Некоторые создают немного иное впечатление. Например, такое, что в случае опасности, в случае грозы, которая может разразиться сверху, со стороны верхних эшелонов власти, этот человек сумеет увильнуть, отскочить, ловко вывернуться. Возможно, подставить ближнего своего. Такое видно по взгляду. Одни привыкли быть в ответе за все, другие ни за что.

Пройдя дворами, человек подошел к зданию, на фасаде которого по обеим сторонам входных дверей висели таблички приемной ФСО. Возле турникета его ожидал молодой человек с безразличным лицом и цепкими взглядом.

– Роман Дмитриевич? Пойдемте со мной.

Они не пошли через турникет, не двинулись к окошкам бюро пропусков, а свернули в боковой коридор. Молодой человек шел впереди и только в самом конце коридора остановился и открыл перед визитером дверь без таблички.

– Ну, здорово! – улыбнулся гость и снял темные очки.

– Здравствуй, Рома, – с улыбкой поднялся из-за стола моложавый мужчина средних лет с седыми висками и шрамом на подбородке. – Давненько не виделись.

Крепкое мужское рукопожатие, короткий обмен многозначительными взглядами, легкий хлопок по плечу – вот и все, что могло сказать о давнем знакомстве и отношении друг к другу этих двух мужчин.

– Проходи. Если хочешь, я пороюсь тут насчет чайку или кофе. Хуже нет встречать старых друзей в чужих кабинетах.

– А ты бы принял в своем, – улыбнулся гость. – Ты же теперь генерал! Ты просто обязан иметь кабинет и секретаршу с длинными ногами. А? Как насчет секретарши, Сергей Иванович?

– Ладно тебе, – мужчина сделал вид, что смутился. – Да и дело, по которому я тебя позвал... лучше не мелькать тебе в наших коридорах и кабинетах.

– Это я понял, – кивнул гость и уселся в кресло возле небольшого столика у окна. – Я понял, что ты меня пригласил не пивка попить и кубок лиги посмотреть, и не на шашлычок приглашал. Что-то случилось?

– Пока нет.

Вопрос прозвучал спокойно, но в нем было столько понимания, такая глубина осознания проблемы, которые могли быть присущи только специалисту. И хозяин – человек, которого называли Сергей Иванович, ответил в тех же интонациях. В его ответе было достаточно много информации, которую мог понять и оценить лишь специалист. Пока не случилось, но случиться может с очень высокой степенью вероятности. С такой высокой, что это становится серьезной опасностью. И специалисты понимают, что нужно принимать все возможные меры.

Сергеем Ивановичем называли генерала ФСО Кравцова. Его гостем был бывший коллега, с которым они начинали работать много лет назад еще зелеными несмышленными лейтенантами. Роман Дмитриевич Громов был генералом в отставке и возглавлял частное охранное агентство «Панцирь».

– Я помню, Рома, как создавалось твое агентство, – разглядывая ногти на правой руке, сказал Кравцов. – Идея была хорошая, особенно что касалось большей свободы в выборе методов работы в частности и свободы действий вообще.

– Ты был в курсе? – с улыбкой спросил Громов. – Однако! А мы секретились по полной программе.

– Я тебе ребят подбирал, – очень серьезно ответил Кравцов. – До меня довели, что вы будете специализироваться на элитных заказах. Суперсложные операции. Ну, и супердорогие. И финансироваться вы будете сами. Но это уже история.

– Давай тогда, Сережа, возвращаться к действительности.

– Давай, – согласился Кравцов. – Нам, Рома, нужна твоя активная помощь. Через три дня президент собирается в авральном порядке прибыть в район работ по реконструкции автомагистрали «Амур». Это две с лишним тысячи километров через тайгу от Читы до Хабаровска. Сам понимаешь, что качественно подготовиться мы не успеваем, а безопасность обеспечивать нужно.

– Что это он? – вскинул брови Громов. – Вроде опытный человек... Да-а, такие променажи готовятся месяцами. В рамках запланированных поездок. Изучить район, освоить ландшафтные особенности, вписаться в желаемый маршрут босса, разработать схемы физической безопасности и транзитного эскортирования, изучить криминогенную обстановку, расстановку сил внутривнутриполитических и коммерческих, отработать внешние связи.

– Вот именно, а у нас людей не хватит, потому что все силы в плановом порядке занимаются Владивостоком. Его ведь тоже не бросишь.

– Подготовка к саммиту АТЭС?

Кравцов кивнул.

– Сережа, а ты ведь недоговариваешь, – укоризненно заметил Громов. – Я ведь тебя, старого плута, хорошо знаю, ты ведь когда пытаешься убедить человека, то всегда в глаза смотришь, с ногами туда забираешься и душу пальчиками щупаешь.

– Верно, – снова кивнул Кравцов, вздохнул, убрал руку и посмотрел Громову в глаза. – Верно, Рома, верно. Мог бы поднять на уши территориальные органы ФСБ, местные ГУВД. Вообще-то, мы их уже подняли. ФСБ в открытую, ГУВД втемную. Но... у тебя, говорят, в лаборатории хитрую охранную систему ребятки собрали?

– Н-ну ты... – Громов расхохотался и хлопнул себя ладонью по колену. – Ай Сергей Иванович, ай жук! Узнали? Ну, я шкуры попускаю со своих болтунов. Секретная лаборатория, секретная организация...

– Ты вообще-то сам хвалился, – напомнил Кравцов без признаков веселья в голосе, – пару недель назад. В одном высокопоставленном загородном доме. Ты мне тут цирк не разыгрывай, ты же себе рекламу делал.

– Да-а? – сделал сконфуженное лицо Громов. – Пожалуй. А тебе, значит, аппаратура моя нужна? Вообще-то это решение, но лишь закрывающее часть вопросов.

– Эта часть – наша страшная головная боль. Президенту же там придется с населением встречаться. Массово!

– Да, это самое неприятное. Мы всегда за голову хватались, когда наши подопечные в народ шли. В страшном сне не приснится: вокруг человек двести народу, а вокруг «объекта» всего пятеро твоих ребят, и в толпе пытаются осмотреться еще столько же. Чердаков неосмотренных в округе штук десять, припаркованных машин тоже с десятком... жуть!

– Жуть, жуть, – согласился генерал. – Так что? Подключишься? О ваших расценках мы в курсе, источником финансирования располагаем, начальство «добро» дает.

– Ладно, подключимся, – согласился Громов. – Работа интересная, только есть обязательное условие: с аппаратурой работать будет мой оператор. А значит, он должен быть все время рядом, в основной группе.

– Разумеется.

– Не знаю как, но куратор всей поездки должен соглашаться на наши условия по ходу работы.

– Ты нашего президента знаешь, он решения принимает неожиданно и без согласования. Так что не от куратора все зависит.

– Ну, это тоже неплохо. Неожиданные решения – они для всех неожиданные. И все же.

– Ладно, договоримся. Только это не все, Роман. Мне нужна там твоя оперативная группа. Уже завтра утром. Гнилое это место, там пошерстить надо.

– Ну, это само собой. Проведем разведку, выкладки доложим. Аналитиков уже сегодня включу в работу.

– Рома, мне Рокотов нужен.

– Что-о? Рокотов? Почему он?

– Мы с Вениамином тогда в Украине вместе работали. Помнишь, когда покушение на «главного» готовилось?

– Помню, – прищурился Громов. – Но тогда ведь почти всех взяли? И «подругу» мы тогда по договоренности со сцены убрали. Разве там точку не поставили? Она сидит, президент лояльный, НАТО больше не суется. Все довольны, все смеются!

– Не совсем. По оперативным данным, кое-кто из организаторов и идеологов той операции остался на свободе. Мы тогда не всю верхушку срубили. Есть основания полагать, что будет «дубль-два».

– Ладно, будет тебе Лев, – покусывая губу, протянул задумчиво Громов. – Только какая разница...

– Есть разница. Рома. Лев единственный, кто видел этого человека.

– В лицо? – быстро спросил Громов.

– Нет, – покачал головой генерал.

Этот быстрый обмен сказал многое обоим. Узнать в лицо человека, которого хоть раз в жизни видел, может любой. Не вспомнит сам, так есть специальные способы помочь в этом. Но только профессионал высочайшего класса способен опознать человека, которого он видел со спины. Здесь нужен огромный опыт и специальная подготовка. Нужна невероятная наблюдательность и очень цепкий глаз, чтобы узнать по характерному жесту, посадке головы, по знакомому повороту, другим мелочам, которых могут быть тысячи. Причем не сравнить с одним предоставленным тебе объектом, а выбирать, выбирать и выбирать. Постоянно, ежеминутно, ежесекундно. Из десятков людей, которые постоянно проходят перед тобой.

- Ладно, подготовьте ему приличную легенду.
- Есть легенда. Он будет числиться представителем пресс-службы.
- И он будет руководить группой!
- Как скажешь, Роман.

Альберт Николаевич Лоскутов выскочил на служебную парковку и еще раз бегло глянул на часы. Большого смысла в этом не было. Времени как было 16.45, так и осталось. Он смотрел на часы меньше минуты назад, но сознаваться самому себе, что нервничает, Лоскутову не хотелось. Это всегда неприятно, когда свыкаешься постепенно с мыслью о том, что ты личность, что ты сильный мужик, что ты значимый человек, что у тебя статус, и вдруг... Часто Лоскутов начинал убеждать себя, что слабости есть у всех. Брежнев вон иномарками увлекался, целый гараж собрал. Ельцин любил выпить, даже в ущерб работе. А нынешний... Лоскутов вспомнил только что закончившееся совещание. У нынешнего, пожалуй, слабости найти трудно. Говорят, с женой что-то не ладится, но кто же точно знает!

Нет, успею, решительно подумал Лоскутов, усевшись в новенькую «Тойоту Камри», точно успею. Он получил задание от руководства доехать до Минтранспорта на Рождественке и решить пару вопросов в связи с предстоящей поездкой. Точнее, вопросов дополнительных, о которых по телефону лучше не говорить. Рождественка и Цветной бульвар совсем рядом. В министерство, потом домой, потом назад к себе. В двадцать один ноль-ноль совещание по предстоящей поездке. Уже решено, что Лоскутов едет. Видимо, ночью.

Рука нервно вытащила телефон, и пальцы забегали по интерактивному экрану, передвигая символы.

– Люба! Что звонила? Я был на заседании правительства...

– Алик, ты со своим правительством совсем не думаешь о семье! – ворвался в голову пронзительный голос жены.

Лоскутова примерно год бесило то, что Люба стала называть его Аликом. Иного ласкательного от имени Альберт она придумать не смогла с тех пор, когда они познакомились, когда стали впервые близки. Потом поженились, прошло уже почти двадцать лет с тех пор, Лоскутов давно привык к этому «Алику», но нет-нет да и всколыхнется антипатия к этой кличке.

И к этому голосу он тоже давно привык. Раньше, в молодости, голос Любы казался ему звонким, задорным. Потом он стал понимать, что голос к ее годам не очень стал подходить. Вроде женщина с положением, вроде за тридцать уже, одевается в стиле бизнес-леди. Потом то же самое он думал, когда им стало за сорок, потом привык. Тем более что Люба умела разговаривать и другим голосом. Это бывало, когда она что-то у мужа выпрашивала, тем более когда выпросить не получилось иными способами. Например, с помощью своих истошных возмущенных визгов. Вот в постели она совсем иные звуки издавала, это у нее уже напоминает кошачье мурлыканье. Грудной глубокий голос, бархатистый такой, обволакивающий. От этого голоса Лоскутова до сих бросало в пучину возбуждения, как мальчишку.

– Что опять не так? – недовольно спросил Лоскутов, стараясь вспомнить, а что же он такое забыл и в чем проявилась его «незабота» о семье.

– Ты про Лешку опять забыл, я тебя когда просила вмешаться? Алик! Два дня уже прошло, а ты так ничего и не сделал! Неужели так трудно поднять трубку и набрать номер. Да там одного твоего слова достаточно, чтобы все стояли на задних лапках. Неужели трудно попросить кого-нибудь из твоих... коллег. Ты вспомни, где работаешь!

Лоскутов поморщился и внутренне застонал. Опять она с этим оболтусом. Вот угораздило ее с родственниками своими. Где она их только берет! Устроил соплыха в МГУ, так за один год уже третий раз вытаскивать приходится. Теперь еще у него в ночном клубе наркотики нашли. Две дозы! А это ведь уже на «распространение» тянет, тут не скажешь, что для себя самого купил. А еще два предыдущих привода! Тогда Лоскутов не особенно афишировал свое

вмешательство, тогда удалось малой кровью обойтись и попросить рядовых сотрудников из мэрии.

Это хорошо, подумал Лоскутов, это просто здорово, что я тогда не стал себя выпячивать. Теперь бы кое-кто с удовольствием вспомнил, что Лоскутов из аппарата федерального правительства за наркомана и хулигана впрягается.

– Алик, ты должен срочно приехать, – странным голосом заявила жена. – Ну что тебе стоит?

Лоскутов, который и так запланировал заскочить домой на пару минут, решил немного помотать супруге нервы. Маленькая месть.

– Не сходи с ума, Люба! Я на работе. Ты же сама всегда говоришь, что я не в ЖЭКе работаю.

– Ну Али-ик, – перешла жена на сюсюканье, – ну пожалуйста. Ну мне очень надо. Я кое-что нам купила!

Лоскутов шумно выдохнул и машинально посмотрел на свое отражение в зеркало на лобовом стекле. Нет, сдержался! Не выдал эмоций лицом! За этим он следил всегда и тщательно. Работа в правительстве – это как игра в покер. Всегда нужно помнить о лице, всегда блефовать, всегда нужно иметь хорошую мину при... различной игре. Вот и сейчас на него смотрело узкое холеное лицо, сосредоточенный взор. Немного бледноватое, но бледность вполне аристократичная. Холодные серые глаза, точеный нос, узкий подбородок, плотно сжатые тонкие губы и, как всегда, до блеска выбритое лицо.

Есть от чего переживать. Если бы жена сказала, что она что-то купила себе. На худой конец, если бы она что-то без разрешения купила ему самому, то страшного особенно ничего бы в этом не было. Самое большее – шуба, пусть тысяч за сто, за сто пятьдесят, пусть колье! Он для того ей на карточку деньги и кладет, чтобы она их тратила. Жаль, что сразу и все.

Но когда Люба что-то покупала не для себя и не для него, это всегда для них. В прошлый раз это было антикварное бюро, за которое он должен был внести деньги в течение трех дней. Но не это была самая большая беда. Неприятность была в том, что она перехватила это чертовое бюро, которое сейчас стоит дома в кабинете Лоскутова. И перехватила она его у любовницы замминистра. Таких склок ему только и не хватало на работе.

А до этого она ввязалась в покупку участка земли в престижном районе. И вляпалась в скандал, потому что продавцами оказались аферисты. Хорошо еще, что денег на этом не потеряли, а вот на зуб журналистам попали. С трудом удалось выйти на руководство нескольких изданий и нивелировать информацию. Что теперь? Что она еще придумала?

Домой Лоскутов попал только около шести вечера. Открыв дверь своим ключом, он вошел в холл. Жена тут же выпорхнула откуда-то со стороны кухни, откуда ароматно пахло кофе и ликером. Люба была хороша, что и говорить. Умела она следить за собой, подавать себя в обществе без пошлости и вульгарщины. Игривость и флирт в пределах допустимого, зато демонстрация своего вкуса, своей фигуры – это уже по полной программе. Лоскутов знал, что Люба даже уроки пластики и сценического движения брала у какого-то преподавателя Щукинского училища: отрабатывала походку, манеру поворота головы, движения рук, умение красиво сидеть, стоять, лежать.

Вот и сейчас она возникла перед ним выгодно освещенная нижним светом, туманно светясь нежной кожей, чуть смуглой после курса солярия. И фигура у женщины была на зависть многим. Чуть появившаяся полнота в тазу и бедрах была под контролем фитнес-тренера, но эти округлости сглаживали не только восприятие, но и здравый смысл, потому что Лоскутову почти постоянно хотелось притянуть Любу к себе, ощутить ее тело, прижаться губами к плечу, груди. Кризис среднего возраста, сопровождающийся повышенной сексуальной активностью, бес в ребро? Так он не «налево», он... Хотя такое Лоскутов ощущал, кажется, лет в двадцать-тридцать.

– Алик, пошли, – с придыханием заговорила жена, вцепившись Лоскутову в рукав. – Это вообще нечто! Шедевр! Вот увидишь, тебе понравится.

Посреди двухуровневой гостиной красовался весь в бронзе и позолоте камин. Здоровенная игрушка с затемненным стеклом на передней дверке. Как, кто, какого... Вереница вопросов, мыслей и ругательств пронеслась в голове Лоскутова. Потом подавил в себе раздражение и не глядя сел в кресло.

– Что это? – с усталой обреченностью спросил Лоскутов. – И, самое главное, на хрена это?

– Алик, ну что за плебейские выражения, – капризно надула губки Любовь. – Это камин, это модно, это стильно и радует глаз. Ты только представь, как возле него приятно будет сидеть долгими зимними вечерами и смотреть на огонь. Это же сказка, это так умиротворяет.

– Ну какой камин, Любаша! Это же городская квартира, тут все вытяжные каналы уже построены и ни одного лишнего тебе никто не приготовил. Трубу на улицу выводить?

– Ты не понимаешь, – обрадованно заворковала Любовь, подсев к нему и беря под локоток своими нежными ладошками. – Это биокамин, ему не нужны трубы, ему не нужны дрова. Там, понимаешь, горит такая жидкость... Это даже не пожароопасно!

– Он даже не настоящий, – покачал головой Лоскутов. – Ну что ты делаешь, Люба! И сколько это чудовище стоит?

– Алик, это ты чудовище! – взбеленилась вдруг жена. – Я из кожи лезу, чтобы обустроить наше жилище, чтобы сделать его уютным, чтобы...

Потянулась целая цепь того, что старается сделать Любовь. Лоскутов обвел взглядом «жилище» площадью почти сто пятьдесят квадратных метров, состоящее из трех комнат, большой гостиной, плавно переходящей в кухню и столовую. Вложено было в квартиру немало. И в мебель, и в отделку, и в милые «мелочи», которые ее украшают.

– Люба! – хмуро остановил излишества жены Лоскутов. – Сколько стоит этот... камин?

– Ой, нисколько, – как-то слишком легкомысленно отмахнулась жена. – Это вообще подарок.

– Что-то? Какой подарок, от кого?

– Алик, ты только не ругайся, – затараторила Люба. – Ребята так просили, так хорошо говорили. Короче, это за какой-то там тендер, который они выиграли. Ну-у... в общем, благодаря тебе.

– Как это мне, какой тендер?

– Алик не сердись, я просто позвонила Пряхину и сказала, что ты не против. А они привезли и подарили. Я же понимаю, что тебе лично не стоит, чтобы не фигурировать. А так все получилось замечательно. Тебе же какая разница, кто там будет строить этот путепровод на МКАДе!

Лоскутов раскрыл было рот, чтобы обрушиться на жену с негодованием. Как ей объяснить, что из-за ее дурацкой выходки под удар может быть поставлена вся его карьера. Он и так выбился из рядовых сотрудников в правительство благодаря своим личным качествам, а не связям, как другие. Связи, конечно, тоже были, но его никто не тащил, как, скажем...

Но ругаться Лоскутов так и не начал. Хитрая bestия Люба блеснула глазами, шевельнула бедрами, поняв настроение мужа, и вот она уже возле него, жарко дышащая в шею и жадно шарящая ладошкой по его груди под пиджаком. Лоскутов смотрел в бесстыжие глаза сорокалетней женщины и понимал, что снова проваливается в пучину нахлынувшего желания. Как она могла, как чувствовала... Ее бедра обхватили его колено, жаркое тело терлось о его ногу, а пальчики уже расстегивали пуговицы на рубашке.

Это было как наваждение, как колдовство. Сердце начало колотиться в груди, руки задрожали и обхватили женщину за плечи. Лоскутов в этот момент не думал ни о работе, ни о камине, ни о звонке жены от его имени. Сейчас для него существовало только ее тело, только оно было важнее всего, только желание снова и снова обладать им, наслаждаться им. Он снова

почувствовал себя прыщавым юнцом, который впервые прикоснулся к женской груди, ощутил вкус поцелуя, прикоснулся к запретному, тайному.

Ему вновь захотелось почувствовать себя молодым парнем, который потерял девственность со взрослой опытной женщиной. Ему было сладко фантазировать, что сейчас он снова пройдет через то соращение, которому поддался когда-то, он млел, представляя, что сейчас в его объятиях та самая бесстыжая женщина, которая когда-то затащила его в постель, которая отдалась ему властно, снисходительно. Она называла его хорошим мальчиком, она хищно улыбалась и говорила, что все повторится, если он будет вести себя хорошо.

Она была соседкой по лестничной клетке, и юный Лоскутов ощущал тогда целый калейдоскоп чувств. Он как будто крал чужое, овладевая той женщиной. Это была сладкая кража, это была сладкая тайна от матери, хранить ее было тоже так сладко, так восхитительно. Это было запрещено! А что может быть слаще запретного плода?

Лоскутов лежал и тяжело дышал, пытаясь вытереть потный лоб о сбившуюся и сползшую набок подушку. Его еще потрясывало немного от проходящего возбуждения, а пальцы гладили и легко теребили обнаженную грудь жены. Он размазывал бисеринки пота на ее теле, и ничего приятнее этого занятия для него сейчас не было. Для него вообще не существовало чего-то более важного, чем лежать сейчас на этой женщине, такой же потной и уставшей, и тихо гладить ее податливое тело. Он многое мог бы отдать за то, чтобы оно оставалось податливым, чтобы оно продолжало принадлежать ему, чтобы можно было вот так неожиданно отдаваться страсти...

– Ладно, Алик, – кошачьим мурлыканьем раздался над ухом голос жены, – не мучайся, я насчет племянничка все решила. Это я уж так тебе говорила, чтобы ты не отмахивался. Мои родственники ведь не только мои, но и твои.

Нежная рука потеревала Лоскутова по затылку, а потом притянула его голову к себе так, что лицо мужа уткнулось в мягкую грудь. Лоскутову ничего не оставалось, кроме как впиться в нее поцелуем, найти губами сосок.

– Ну хватит, хватит, – заволновался голос жены, – ненасытный! Пока ты там собирался, я за него кому надо на лапу дала. Теперь вопрос закрыт.

– Как? – взвился Лоскутов, моментально отрезвев и вернувшись в мир истинной действительности. – Как дала, кому? В полицию?

– Ну что ты? – попыталась ласково успокоить мужа Любовь. – Перестань. Все уже решено, тебя уважают и...

– Люба! – с мольбой в голосе произнес Лоскутов и бессильно уронил на постель руки, которые миг назад были подняты в гневе. – Люба, ну сколько я тебя просил не играть моим именем, моим положением. Ты же в любой момент можешь навредить моей карьере.

– Алик, – сладко улыбнулась женщина и приникла к его теплому сильному плечу, – ну я же не совсем дурочка, я же умею разбираться в людях. Если человек просто жаждет оказать услугу, если для человека твоя фамилия как дурман-трава, то чего же не воспользоваться. Глупый, один раз живем...

Дура, дура... закрыв глаза думал Лоскутов. И тут же начинал ругать самого себя. И я ведь дурак, раз связался с такой стервой. Но зато какая сладкая... Что же я за тряпка такая, раз за постель могу ей все простить! А как приятно быть с ней тряпкой, как сладко, как томно...

Глава 2

Закхай Валииди оставил на просеке свои старенькие неприметные «Жигули». Да, неприметные! Почти все прорабы на трассе «Амур» знали эти «Жигули», и Али, который на них ездил и который поставлял дешевую и безотказную рабочую силу. Многие побаивались, многие не верили Али, считая, что он чуть ли не «подстава» со стороны прокуратуры. Но кое-кто с ним активно работал, складывая в карман большую часть денег, подлежащих выплате рабочим. Проводили наряды своим, выполняли таджики, но за треть стоимости.

Но самым примечательным было то, что про Али все молчали. И те, кто с ним сотрудничал, и те, кто не хотел связываться. Первые потому, что имели с этого сотрудничества хороший куш, вторые потому, что боялись попасть под месть первых и тех, кто им покровительствовал. Никто же не верил, что большое начальство «не в доле». И вот на этом лезвии бритвы Али и балансировал уже несколько месяцев. Точнее, не Али, Закхай Валииди.

Сейчас он ехал на праворульном «Ниссане», которых от Забайкалья до самого Приморья было пруд пруди. Поглядывая на навигатор, лежавший на коленях, Закхай наконец притормозил у поворота на очень плохой узкий асфальт. Судя по ржавому указателю, это был поворот на Константиновское, большой поселок с молокозаводом, колбасным цехом и колледжем лесного хозяйства. Закхай хорошо владел русским языком. У него вообще была склонность к иностранным языкам и великолепная память. Если бы он не стал в ряды вооруженной оппозиции, то, наверное, стал бы учителем или ученым-лингвистом. Но сейчас страна требовала от него борьбы, и он сражался и вел за собой других. И не просто сражался, а старался по своему разумению перестроить этот мир, из-за чего у него частенько случались стычки с высшим руководством. Пока ему верили, несмотря на его своеобразие и собственное видение будущего родины.

«Уазик» местной полиции он увидел издали. Машина стояла на обочине с включенными мигающими аварийными огнями, которые очень хорошо были видны издали. Закхай подъехал, заглушил двигатель своей машины и выпрыгнул на сырую траву. Русский майор и его помощник старший лейтенант стояли на другой стороне дороги и смотрели вниз. Там в кювете парила развороченным от удара капотом легковая автомашинка.

Закхай нахмурился и стиснул зубы. Гневайся или не гневайся, а других помощников пока нет. Глупы, но исполнительны!

Он прошел мимо офицеров полиции, отметив, что те уже поняли манеру общения и перестали каждый раз кидаться к Закхаю с протянутой рукой. Рук он им никогда не пожимал, хотя старался делать вид, что относится с уважением к их помощи.

– Выключите аварийный сигнал! – бросил он короткий приказ и подошел к краю дороги.

Да, сделано было чисто! Наверное, эти двое полицейских на большой скорости прижали легковушку своим «уазиком» к обочине, а потом резко его подрезали поворотом руля. Хасан явно не ожидал такого оборота и не справился с управлением. Вон и два бетонных столбика сбил, и в низинку улетел вместе с машиной. Живой? Кажется, живой: вон рука торчит из-за скомканной открытой передней двери. Стонет и пытается выбраться. Движения сильные, значит, не очень сильно пострадал.

Закхай обернулся, посмотрел на старшего лейтенанта, который хлопнул дверью своего служебного «уазика». Аварийные огни погасли и больше не привлекали внимания. Ну что же, этим двоим не обязательно знать, о чем пойдет разговор. Закхай примерился и легко спрыгнул в кювет. Скользя на влажной траве, он сбежал со склона и подошел к машине. И тут же встретился взглядом с Хасаном. Мужчина страдал от боли, страдал сильно, но, как настоящий мужчина, скрывал это. Его лицо с рассеченным лбом и лихорадочно блестящими черными глазами было бледно, губа закушена, а левая рука упорно цеплялась за край изуродованной автомобильной дверцы и тащила тело наружу.

Закхай улыбнулся и присел рядом с раненым. Дела Хасана были плохи. Правая рука, видимо, была сломана. И как бы не в двух местах. А еще у него сквозь рубашку торчала белая кость в правой нижней части груди. Сломанное ребро проткнуло мышцы, кожу и вышло наружу. Кровь изо рта не шла, хотя это и не говорило о том, что не повреждены легкие. И вообще у Хасана просто не могло не быть внутреннего кровотечения.

– Потерпи, брат, – сказал Закхай, – я помогу тебе.

Он взял раненого под мышки и стал медленно тянуть, старясь давать нагрузки на позвоночник. Особенно крутящей нагрузки. Хасан захрипел, прикусил губу, но каким-то страшным усилием воли удержал крик, готовый сорваться с его губ. Еще несколько секунд, и Закхай уложил раненого на траву лицом вверх. Он сел рядом на корточки и посмотрел ему в глаза.

– Ну, что? Больно тебе, брат?

Хасан все еще лежал со стиснутыми зубами, а по подбородку у него бежала струйка крови из прокушенной губы. Закхай протянул руку, приподнял полу рубашки и вытянул из-за ремня Хасана потертый 12-зарядный «ПММ».

– Знаю, что больно, – кивнул Закхай головой. – Вот видишь, Хасан, а я что тебе говорил? Аллах все видит, Аллах ни один поступок человека на земле не оставляет без внимания. Ты хотел меня предать, и что из этого получилось?

– Не кошунствуй насчет Аллаха, – прохрипел Хасан.

– Мой путь праведен, Хасан, – возразил Закхай, – потому что мой путь – это путь борьбы за истину, за веру, за мой народ. И ты знаешь это. Но ты решил шантажировать меня, ты решил построить на наших отношениях бизнес. Это низко для правоверного, это позор!

– Убей меня, – снова прохрипел Хасан, – убей. Я бы тебя убил, окажись ты на моем месте.

– Я понимаю, – сквозь зубы процедил Закхай, поднимаясь в полный рост. – Но я тебя убивать не буду. Только Аллах решает, и только Аллаху позволено давать жизнь и забирать жизнь. Иногда я беру на себя его обязанности, но не сейчас. Ты умрешь сам, Хасан! В муках! Ты еще долго будешь мучиться, может, час или два часа. Я подожду. И все это время ты будешь знать, за что ты принимаешь такие муки.

Закхай повернулся и пошел по склону наверх. Он слышал, как за его спиной захрипел и болезненно закашлялся раненый, пытаясь изрыгнуть проклятья. Нет, он заставит его умолять о смерти, он заставит его плакать и унижаться.

Полицейские стояли наверху, нарушив все инструкции. Закхай сдержался от резких высказываний и просто отослал старшего лейтенанта к машине, чтобы он слушал рацию. Майор остался рядом и выжидающе смотрел на Закхая.

– Все, умер? – наконец спросил русский.

– Нет пока. Но умрет.

Неожиданно молодой полицейский выскочил из «уазика» и громко закричал:

– Шеф, аврал! Нас вызывает начальник ОВД. К нам проверяющий из районной управы. Приказано через полчаса быть в Константиновском. Они уже выехали...

– Это значит, что они поедут здесь? – насторожился Закхай.

– Другой дороги нет, – согласился майор и кивнул вниз. – Что с этим делать?

– Значит, его надо убить. У него было оружие, он в тебя целился, ты в целях самообороны выстрелил первым. Так у вас положено действовать?

– Э-э, нет! На такое я не подвизывался, Али. Твои дела, сам и разруливай! А чтобы я себя с тобой кровью вязал... Не дожدهшься! Может, ты чеченский террорист, может, ты нашего президента тут караулишь, чтобы террористический акт устроить? Таджики на трассе торговать – это пожалуйста, в разборках твоих тебе помогать – тоже. Но... Извини!

– За те деньги, что ты от меня получил, майор, можно было бы быть и покладистей, – прищурился Закхай.

– А ты докажи, что мне деньги давал, – вдруг ощерился майор и упер руки в бока, ненадолго обнажив кобуру на ремне форменных брюк. – Ты на меня не дави, засранец! А то ведь я могу взять тебя за химок да отволочь... Э-э, ты куда? Я с тобой разговариваю, урод...

Закхай отошел на несколько шагов к самому краю дороги, потом резко повернулся и выстрелил из пистолета Хасана. Пуля угодила майору точно в лоб чуть левее переносицы. Пошатнувшись, русский вскинул руки к лицу, но смерть сковала его движения, и он так и повалился на бок на траву обочины с согнутыми перед лицом руками. Закхай смотрел на тело, как оно лежало, уставившись открытыми глазами в траву и зияя огромной буро-серо-красной дырой на месте затылка. Шея и форменная куртка на спине были залиты кровью, которая стекала и стекала на траву.

– Ё... – старший лейтенант подбежал и устался на майора, не сделав даже попытки вытащить свое оружие. – Ты чего? Че не поделили? Нам же...

Закхай с интересом посмотрел на молодого офицера. Странно, но он не боится, у него, кажется, в голове даже и мысли нет, что он сейчас ляжет тут вторым трупом. Почему? Вера в общность интересов, в то, что Закхаю очень нужны толковые помощники. Или этот старший лейтенант понимает, что перед ним не какой-то там мелкий делец Али?

– Слушай меня, Миша, – строго сказал Закхай. – Его доля теперь твоя, если будешь помогать мне. Он, шакал, он решил, что меня можно продать, обмануть. Ты, Миша, умный, ты умеешь держать слово!

– Слово-то я держать умею! – согласился старший лейтенант, глядя на труп напарника вытаращенными от удивления глазами. – Только что мне теперь с ним делать, как все это... Дурак ты, Али! Натворил делов...

– Все просто, и тебе ничего не грозит, – горячо заговорил Закхай. – Будешь мне помогать? Говори, хочешь много денег?

– Ё... да за бабки я много на что готов...

– Тогда слушай и трясись от страха! Я сейчас спущусь вниз, вложу пистолет в руку Хасана. Все будут думать, что он выстрелил в твоего майора, а потом застрелился сам. От страха. А когда ты подбежал, то все было кончено. Понял меня?

– Понять-то я понял, – замылся полицейский. – Только вот верить тебе сложно. Ты со своими глупыми выходками и меня подставишь, и сам сгоришь. Опыта у тебя нет!

Закхай левой рукой схватил русского за воротник куртки и притянул к себе. Полицейский испуганно смотрел в полыхающие огнем глаза Али. Кажется, он только теперь стал понимать, что Али – это не Али. Не тот человек, за которого он себя выдает.

– Я не таджик! – сказал Закхай. – И не узбек. Правда, моя мать была сирийской туркменкой. Слушай меня, Миша, внимательно, потому что я человек серьезный. Я прибыл сюда из-за границы, откуда, тебе знать не обязательно. Я должен устроить здесь террористический акт, я должен убить вашего президента, который едет по трассе. Тебе ничто не грозит ни в случае моей удачи, ни в случае моего поражения. Но если я сделаю то, что должен, ты получишь столько денег, что сможешь жить и не работать до самой смерти. И твоя жена, и твои дети тоже. Это дорого стоит, и ты за это получишь. Ну, согласен?

– Ты серьезно, Али? – громким шепотом спросил русский. И судя по лихорадочному блеску его глаз, по тому, как пересохли его губы, он был готов на все ради таких баснословных сумм. – Это правда?

– Правда! – заверил его Закхай. – Если хочешь, то я прямо сейчас заплачу тебе пятьдесят тысяч. Долларов! А когда я закончу, то ты получишь десять миллионов.

– Ё... это же... А как же я... Это же...

– Я понимаю тебя, – голос Закхая стал почти ласковым. – Никто же не говорит, чтобы ты с такими деньгами оставался в России. Зачем? Ты поедешь за границу, скажем, в туристический тур. А там ты получишь новые документы, счет с этими деньгами. Там ты сам решишь, в какой

стране жить, потому что гражданство мы тебе организуем в любой стране. Или ты хочешь остаться в России? Тогда...

– Не-е, Али! – засмеялся русский. – На фиг она мне сдалась!

Второй выстрел прогремел среди крон деревьев. Потом старший лейтенант полиции сел за рацию в своей служебной машине и взволнованным голосом стал вызывать оперативного дежурного, чтобы доложить о случившемся несчастье. О том, как они преследовали подозрительного человека, как тот слетел с дороги, не справившись с управлением, как он, будучи раненным, застрелил майора полиции, а потом выстрелил себе в голову...

День начинался тяжело, даже как-то нехотя. Сначала солнце, повисшее в кронах елей между двумя сопками на востоке, не желало подниматься выше, потом оно лениво и сонно оторвалось от еловых лап и остроконечных вершин и поползло в мареве, светя блеклым болезненным ликом. Было душно и липко. Мошкара как осатанелая лезла в нос, рот, глаза и уши. Хотелось бить себя по лицу, хотелось драть его ногтями прямо по не унимающемуся зуду. И только прошлый опыт подсказывал, что лучше перетерпеть, что лучше использовать какие-нибудь средства, а к обеду натиск мошки утихнет. Многие приезжие рабочие знали, что от пота и расчесывания ногтями через два дня лицо на скулах и шее покроется болячками.

Прораб дорожно-строительного участка Чернышев ругал геодезистов на чем свет стоит. Они опоздали на двое суток, а это значит, что почти двое суток бездействовала тяжелая техника. А простой стоит... если учесть еще и зарплаты водителей... Чернышев шел по пыльной обочине, матерясь и сверкая глазами. Многие на участке знали его характер и в такие минуты старались не попадаться под горячую руку.

Впрочем, гнев был лишь дежурной реакцией на недостатки в работе. И геодезисты не были его подчиненными, а относились к проектной группе, и простая как таковая тоже не было. Умелый прораб всегда найдет, как скрыть такие косяки. Тем более что их всегда можно использовать в корыстных целях. Например, можно умело доказать руководству, у которого таких участков десятки, что проектировщики не учли характер грунтов, что позавчерашние дожди подмыли непрочные грунты в низинке... Много чего может сообразить опытный прораб, чтобы оправдать незапланированное использование тяжелой техники, которого и не было. А водители? Водители будут молчать, потому что «ночные», которые он им оформил, не все пошли ему в карман, кое-чем он с водителями поделился. Таков порядок на строительстве.

Невысокий коренастый Али в серой бейсболке с эмблемой фирмы «Найк» ждал Чернышева у скрепера, лениво облокотившись плечом о большое колесо. Выглядел «нерусский», как между собой Али называли бригадиры, равнодушным, спокойным, почти сонным. И темные его глаза при разговоре смотрели как будто не на тебя, а куда-то дальше, как будто сквозь тебя. Поэтому с Али было трудно разговаривать, как будто его перед тобой не было, или как будто тебя перед ним не было. А еще потому, что Али трудно переспорить, почти невозможно. Возникало ощущение, что этот человек, коверкающий русский язык, знает все твои мысли и заранее приготовил все возражения, с которыми ты просто не сможешь не согласиться.

– Здравствуй начальник, – старательно выговорил Али. – Ты обещал моим рабочим заплатить деньги вчера. Вчера закончилось, сегодня наступило.

– Слушай, Али, – отмахнулся Чернышев, не останавливаясь, – не до тебя. Не помрут твои рабочие пару деньков без денег. Не до них сейчас.

– А если помрут? – резонно заметил Али и двинулся за прорабом следом. – Всякое может случиться. Всякую дрянь есть станут, животами мучиться станут, врачи приедут, дизентерию увидят. Вопросы задавать будут, прорабу задавать будут.

– Да что ж ты за человек такой, а! – возмутился Чернышев и остановился так резко, что Али, шедший следом, ткнулся козырьком бейсболки ему в грудь. – Ну понимать ты когда-нибудь научишься? Мы же с тобой не в трудовые отношения играем! Я тебя и твоих оборотов

в штат не зачисляю. Мы как договаривались? Ты приводишь своих узбеков, я даю работу. Они работу делают, я нахожу деньги и плачу. И им, и тебе, как поставщику дешевой рабочей силы.

– Ты наряды закрывал две недели назад, дополнительные работы на своих людей закрывал, которые они не делали. Деньги привозили, я видел. Почему не платишь?

– Как ты меня достал, Али!

– Два месяца ты платил вовремя, я молчал. Сейчас ты не платишь, я за тобой хожу и напоминаю. Почему «достал»? Чернышев, если ты платить не будешь, мои люди уйдут. Вот прямо сейчас бросят работу и уйдут. Хочешь, чтобы ушли?

Умело ударил Али, очень умело. Чернышев поморщился и еле сдержался от матерной ругани и оскорблений. Ах... морда твоя азиатская... Как нарочно подгадал момент! Если его землячки бросят прямо сейчас работу, он не закончит расчистку и подготовку на трех пересечениях с местными дорогами. А по современным нормам въезд на шоссе с покрытием должен быть с участка тоже с покрытием, хоть и вся дорога грунтовая. А это нивелировка, это «подушка», это те же самые откосы и обочины. Да начальство с самого Чернышева шкуру спустит! Вот гад этот Али.

– Слышь, Али, – прораб поскреб небритый подбородок и посмотрел на посветлевший лик солнца, – ты не обижайся на меня. Закрутился, работы много. Тут про себя забываешь, не то что... Но про твоих я помню. Хорошие ребята, работают, как звери. Ты, главное, не дави на меня. Чем хочешь поклянусь, но послезавтра утром зарплата всем будет. И тебе! С премиальными! За счет фирмы!

Чернышев расхохотался своей шутке, но Али или не понял ее, или у него в голове были какие-то свои, непонятные для окружающих мысли.

– Зачем премия? – равнодушно спросил он. – Премии не надо, потому что мы про премию не договаривались.

– Так договоримся! – с энтузиазмом воскликнул Чернышев.

– Не надо договариваться, – снова затянул свое Али. – Сегодня ты про премию говоришь, завтра скажешь, что плохо работали и заплатишь меньше. Нет, давай, как договаривались. Мы делаем, что сказал, ты платишь, сколько сказал.

Возразить было трудно. Тем более что даже узбеку, жившему здесь на непонятных основаниях, сложно доказать свою доброту и отваливать премиальные из своего кармана. Он узбек, но не дурак. Хотя... и на узбека он не очень похож. И не важно, где он берет этих работяг без документов, главное, что его бригады неквалифицированной, а самое главное, дешевой рабочей силы поступают регулярно, работают хорошо. И выполненные ими объемы вполне удается записывать на других рабочих. И деньги, полученные за эти работы по закрытым нарядам, вполне прилично делятся между заинтересованными сторонами.

Чернышев очень бы удивился, если бы узнал, что в пятидесяти километрах от него, на участке другой подрядной фирмы тот же самый Али тоже выступает как нелегальный поставщик дешевой рабочей силы. Но совершенно на иных условиях.

И сегодня Али, решив все проблемы с Чернышевым, приехал туда на старенькой «шестерке» как раз перед обедом. То, что он увидел на строительной площадке, ему очень не понравилось. Двое в форме, оба с погонами майоров. Только один был в форме полицейского, а второй в форме с эмблемой Федеральной миграционной службы на рукаве. Замешательство Али было почти секундным. Он лишь ненадолго ослабил давление на педаль акселератора, а потом снова надавил. Его оранжевая «шестерка» остановилась прямо у ног двух блюстителей порядка. Офицеры замерли с ухмылками на лицах, глядя, как Али выбирается из своей старенькой машины.

– Вот он, собственной персоной, – кивнул в сторону Али полицейский. – Сам пожаловал, поставщик мертвых душ.

– Почему мертвых? – удивился Али, подходя к офицерам. – Зачем обижаешь, начальник. Все здоровые, все работают хорошо.

– Это правда, что ты никаких денег не берешь? – осведомился второй майор. – Обычно за такие аферы берут проценты или с рабочих, или с прораба, который на них наживается. А ты что же? Бессребреник какой-то!

– Какие деньги, начальник? – удивился Али. – Я же для земляков стараюсь, у нас так принято. Каждый делает для своих что может, а Аллах потом каждому воздаст по его трудам.

– Ты мне тут не болтай! – нахмурился майор и как-то воровато оглянулся по сторонам. – Ну-ка, документики мне свои покажи, гость с Востока.

Али, не моргнув глазом, послушно полез в карман. Он протянул майору не только паспорт, но и стопку официальных бумаг с печатями ФМС, таможенного контроля, ГУВД. Майор принял бумаги с безразличным выражением лица и стал разворачивать и внимательно знакомиться с каждой. Знакомство заняло не более трех минут.

– Ну и что ты мне всю эту макулатуру суешь? – задрал удивленно брови майор, переглянувшись со своим коллегой из полиции. – У тебя регистрация закончилась две недели назад. Ты сейчас где должен быть, клоун? Ты сейчас должен сидеть и размазывать сопли по жалобному лицу в коридоре моего ведомства. И клянуть продления срока временной регистрации. Или в поезде уже подъезжать к своему родному аулу.

– Зачем к аулу? – без всякого выражения спросил Али. – Я в Ташкенте живу.

– Слушай, Али, – рассмеялся полицейский, – а ведь нам пора тебя арестовывать или отправлять в ФСБ.

– Зачем арестовывать, зачем в ФСБ? – обиделся Али. – Я кому плохое сделал? Я кому вред принес? Я немного с документами опоздал, я своим землякам помогаю, я вам на строительстве помогаю! Я кому что плохое сделал?

– А ведь ты не узбек, Али? – прищурился второй майор. – Не похож ты на узбека. Я пятнадцать лет вожусь с вашим братом, могу с ходу вас различить.

– Я не узбек, – дернул плечом Али. – Почему узбек? Я каракалпак.

– Все они там одинаковые, – махнул рукой полицейский.

– Ладно, Али, – снова бегло глянул вокруг второй майор. – Если не хочешь загреметь в кутузку, то выход у тебя один. Догадываешься, о чем я говорю? Ты там распинался, что хочешь пользу приносить, вот и приноси. Только вступительный взнос в партию народных помощников внеси, и можешь продолжать в том же духе.

– Это штраф, да? – догадался Али и наконец заулыбался. – Я понимаю! В большом государстве должен быть большой порядок. Если один человек нарушил, второй нарушил, то какой же это порядок. Штрафовать нужно обязательно.

– Ты гляди, какой сознательный, – тихо добавил полицейский. – Одно удовольствие с такими дело иметь. Ну-ка, пошли к нам в машину.

Через пятнадцать минут Али вышел из полицейского «уазика» с тем же постным лицом, с каким и приехал. Ничего особенного не произошло. Просто это такая страна, Россия называется. Здесь так всегда было и будет. Несколько узбеков, сидевшие под деревьями и настороженно наблюдавшие за событиями, поднялись, когда Али подошел к ним.

– Нимага сиз ишлаяписиз? Тез боринглар ишлаш!¹ – неожиданно грубым голосом сказал Али.

Паша Алексеев сидел на каменном парапете Краснопресненской набережной и глазел на девушек. День был отличный, солнечный, девушки были симпатичные, длинноногие, и от этого настроение у Паши было приподнятое. Вообще-то, оно у него было хорошим и по дру-

---

¹ Почему вы не работаете? Быстро отправляйтесь работать! (узб.)

гой причине. На прошлой неделе закончились наконец восемь месяцев его переподготовки в учебном центре «Панцирь».

Где-то там далеко остался научный центр «Байкал», осталась его четвертая лаборатория. Далеко в памяти и далеко, если смотреть по карте. Сейчас, когда прошел почти год со времени тех зловещих событий с похищением из лаборатории новейшего нанопрепарата, все вспомнилось без прежней остроты. И неожиданное предложение бросить науку и перейти на работу в эту загадочную охранную организацию тоже теперь воспринималось иначе. Это тогда Паша мучился, взвешивал, сравнивал, прислушивался к себе, к своим внутренним потребностям. А сейчас? Сейчас мир казался ему простым и понятным.

Правда, понятным не совсем до конца. Например, Паша был удивлен, когда он все же дал согласие уйти из науки в «Панцирь», ему предложили сначала закончить обучение в аспирантуре. Паша согласился, что несколько месяцев действительно погоды не делают, а образование – оно никогда не помешает.

Потом, когда пролетели эти тяжелейшие восемь месяцев, когда за плечами остались почти ежедневные огромные физические нагрузки, когда кончились эти бесконечные тренинги по запоминанию, тренировки по использованию огромного количества приборов и технических средств, имевшихся у «Панциря», Паше неожиданно предложили подумать и решить еще одну дилемму. Идти ли на оперативную работу или остаться в научной лаборатории «Панциря». Там, где эти приборы и спецсредства изобретались, разрабатывались и испытывались.

Но Паша, уже настроившись и мысленно порвав с наукой, ответил категорическим отказом. На что Кирилл Андреевич, большой и всегда взлохмаченный завлабораторией, сокрушенно покачал головой.

– Бегать и стрелять у нас всегда есть кому. И еще долго будет кому, – говорил он Паше. – А вот кому головой работать, тут у нас всегда будет голод. И не только у нас. Это беда всей страны...

С этими словами Кирилл Андреевич повернулся и пошел от Паши по коридору, громко топая своими большими ступнями. Паше даже показалось, что ученый обиделся на его отказ. Но это было тогда, почти две недели назад. А потом случилось много всякого. Например, потом его нашел Бугор.

– Ну, как успехи? – по привычке хмуря свои кустистые брови, спросил Рокотов, заходя в комнату общежития, где Паша собирал свои вещи.

Паша растерялся немного и закрутился среди разбросанных рубашек в поисках места, куда можно было посадить гостя. Две кровати его соседей по комнате были аккуратно застелены, и пришлось срочно сгребать вещи с одного из кресел у окна. Лев смотрел равнодушно на терзания молодого оперативника и не делал попыток разрядить ситуацию. Так и не дождавшись предложения не суетиться, Паша свалил кучу одежды в чемодан и захлопнул крышку.

– Успехи? – почесал он в затылке, не зная, стоит ли хвалить себя самому. – Нормальные.

– Вообще-то, про твои успехи я знаю, – соизволил наконец усестись в кресло Рокотов. – Справлялся. Ты лучше скажи мне, что надумал про предложение Кирилла Андреевича.

– Честно?

Вместо ответа Лев глянул из-под своих знаменитых бровей так, что Паше сделалось неуютно. Ясно, что по-иному тут не отвечают.

– Если честно, – мужественно ответил Паша, – то думаю отказаться.

– Что так?

– Я от этого ушел, и к этому теперь снова возвращаться? Смысл?

– Ну ладно, – пожал плечами Лев без всякого энтузиазма и встал. – Если так, то ты поступаешь в мою группу. Можешь не благодарить...

Паша как-то интуитивно понял, что это была шутка.

– ...Из комнаты пока не съезжай, комендант в курсе. Завтра в девять утра Серж тебя будет ждать у моста на Краснопресненской набережной.

Дверь хлопнула, и в комнате воцарилась странная тишина. Вот манеры, подумал Паша весело. Ни здравствуйте, ни до свидания. Пришел, пробубнил, бровями пошевелил, и все. И это что же получается? Получается, что завтра я приступаю к работе? С нашими ребятами в одной группе?

И вот он в указанном месте сидит на парапете и таращится на проходящих мимо девушек. Девушки ему нравились. Мост ему тоже нравился: двухъярусное крытое сооружение из стекла и бетона длиной более двухсот метров перекинулось через Москву-реку и соединило две набережных.

– Балдеешь? – раздался сбоку голос.

Паша от неожиданности так резко повернул голову, что шейные позвонки хрустнули. Черт, только что рядом никого не было! Ничего себе, результаты подготовки. Серый стоял рядом и с довольным видом тербил свой нос. В привычках Коневского ничего не изменилось, и его нос оставался самой заметной частью его личности.

– Привет, – расплылся Паша в улыбке и прыгнул с парапета.

Коневский принял его в объятия, пару раз ощутимо хлопнув по спине.

– Значит, Бугор тебя к нам сосватал! – констатировал Серый. – Отлично! А то ходят слухи, что ты к нашему армянину в подельники пошел.

– Да отказался я, – торопливо перебил Паша Коневского. – Что вы все про вашего Андреевича...

– Ну, может, и зря отказался, – неожиданно сказал Коневский.

– Как это? – не понял Паша. – Почему?

Коневский повернулся к мосту, посмотрел на него, потом толкнул Пашу локтем и ткнул пальцем в сторону моста.

– Ты знаешь, как он называется?

– Мост? Понятия не имею.

– Это творение знаменитого архитектора Тхора названо в честь Петра Ивановича Багратиона. Знаешь такого?

– Конечно, – рассмеялся Паша. – Кто же не слышал про генерала Багратиона, героя войны 1812 года?

– А ты никогда не задумывался, почему грузинского князя называют русским полководцем?

Паша открыл рот и спустя минуту закрыл его, так и не найдя, что ответить. Вопрос имел явно второе дно и второй смысл.

– Вот, – задумчиво протянул Коневский. – Резоннее было бы сказать, что он был грузинским полководцем.

– Тогда бы, – предположил Паша, – все думали, что Багратион воевал от имени Грузии и за Грузию.

– Правильно мыслишь, – кивнул Коневский. – То, что иногда режет слух дотошного слушателя, не всегда есть отсутствие истины. Воевал он в русской армии, а ее принято было называть тогда русской, а не российской. Вот и сложилось понятие – русский полководец, русский генерал. И не важна нам его национальность, правда? Главное что, не важно, где ты воюешь, главное – как воюешь. Воевал бы ты в лаборатории у Кирилла Андреевича, а славу имел, как и мы. Полевую! С его же приборами, с его снаряжением и с его примочками мы работаем во время заданий. Вот и ты имел бы к ним отношение.

– Я лучше с вами, – вздохнул Паша.

– Ну и правильно! – махнул вдруг рукой Коневский. – Это я так. Для порядка. Теперь слушай, что за задание нам светит. Как раз по твоей квалификации. Мы будем охранять президента во время его поездки в тайгу.

– Кого? – опешил Паша. – Президента? Какого... в смысле чьего?

– Нашего, – удивился Коневский. – Разумеется, что нашего президента. А что ты так реагируешь? Тебе еще в прошлом году говорили, что это наш уровень, что мы фигней и мелочами не занимаемся. Так вот, в этой операции мы с тобой работаем в паре. Слушай сюда, как говорят в Одессе...

За окном стемнело, и за сборами Альберт Лоскутов даже не заметил, когда жена включила свет. Вообще Люба сегодня была какая-то тихая, она как будто по квартире передвигалась на цыпочках. И все время молчала. Лоскутов, отрываясь от документов, иногда подумывал, что Люба в этот его отъезд какая-то не такая. Наверное, грустно оставаться одной.

До самолета оставалось три часа, и пора было проверять чемоданы. Вот-вот должна прийти машина, и нужно спешить. Лоскутов захлопнул папку, решив, что с другими материалами у него будет время познакомиться в самолете. Все равно он теперь не уснет. Привычка такая, не мог он спать во время командировок. Даже по ночам, когда удавалось лечь, он долго лежал и думал о работе. Пока еще организм справлялся с такими нагрузками.

– Алик, – жена подошла и присела рядом на подлокотник старинного кресла. – Алик, ты в этот раз надолго?

– Недели две, а там не знаю, – пожал плечами Лоскутов. – Президент у нас непредсказуемый. Он может запросто объявить военные учения по округу и остаться на них до конца. А может нас и отправить домой. Хотя бывало, что потом просто улетали без предупреждения в другой регион. Как тогда в Украину.

– Вы можете полететь в Украину? – отстранилась Люба и стала всматриваться в глаза мужа.

– Ну, это я так, – улыбнулся Лоскутов и поправил завиток волос на виске у жены. – К слову.

– А-а, – понимающе ответила Люба.

И тут запиликал и заверещал у входной двери сигнал домофона. Лоскутов мягко отстранил жену и поднялся.

– Ну! Это, наверное, машина, – решил он.

– Я сейчас, я схожу, – сорвалась с кресла Люба и упорхнула из кабинета.

Лоскутов привычно похлопал себя по карманам. Паспорт здесь, бумажник здесь, ключи от квартиры... мобильник, «зарядник» от него в сумке... точно клал. Ну, кажется, все! Пора двигать...

– Алик! – позвала жена.

– Да, Любаша, иду! – громко ответил ей Лоскутов. – Машина пришла?

Подхватив с кресла модную сумку-планшет, Лоскутов вышел из кабинета и увидел у входной двери жену и молодого человека лет тридцати, который почему-то разувался. Водитель? Зачем он проходит в квартиру? Эти мысли привычно мелькнули в голове Лоскутова. Неприятно было думать, что этому типу приспичило в туалет. Лоскутов терпеть не мог, когда чужие люди ходят в его туалет. Его от одной мысли, что кто-то снимает штаны и садится на унитаз, а потом самому Лоскутову после него...

– Алик, познакомься, – расплылась Люба в широкой и слишком радушной улыбке, – это Володя, Вовик! Он муж моей сестры. Ну, той, что живет в Краснодаре!

– Здравствуйте, Альберт Николаевич, – жизнерадостно протянул Лоскутову широкую ладонь высокий и довольно симпатичный Володя. – Рад познакомиться!

– А-а... ну да. – Лоскутов пожал прохладную ладонь Владимира и вопросительно посмотрел на жену. – Я, знаете ли, уезжаю сейчас в командировку, так что, извините... не могу... э-э...

– Я знаю, – кивнул Володя с готовностью, – вы в Забайкалье едете с правительственной делегацией.

Лоскутов поперхнулся и закашлялся, глядя на жену с выражением. Что она еще сболтнула! Родственник-то он родственник, но все равно болтать о его командировках! Но жена только расплылась в ответ в лстивой улыбке. Все это следовало понимать так, что никакой машины еще за Лоскутовым не пришло. Люба тут же подтвердила это умозаключение:

– Это Володя в домофон звонил, а машины еще нет, Алик. Может, посидите на дорожку? Я вам чайку сделаю. Или коньячку за знакомство?

– А что, – потер с готовностью руки Владимир и бросил взгляд в глубокий вырез блузки Любы, – я бы не отказался! Намотался за день по вашей Москве. Аж ноги отваливаются.

– Как хотите, – сухо ответил Лоскутов, которому этот взгляд на груди жены не понравился. – Я перед дорогой пить не могу. Мне еще работать.

Однако правила приличия заставили его положить портфель и пройти в гостиную, где жена уже расставляла чашки. Володя жизнерадостно осматривался и все потирал и потирал руки. Он остановился перед двумя картинами. Это были, естественно, оригиналы: ранняя работа Никаса Сафронова – портрет молодой девушки в ретро-стиле – и вполне приличный пейзаж какого-то подмосковного художника.

– Я приехал по делам бизнеса, – начал рассказывать Владимир, рассматривая портрет. – Бизнес у меня, надо крутиться и вертеться.

– Да, Алик, – появилась у стола жена с заварочным чайником, – я все хотела с тобой поговорить. Ты бы помог Володе. Тебе ведь ничего не стоит замолвить словечко где нужно. А у него, глядишь, и дела пойдут лучше. Мы же не чужие.

– Да, – мгновенно развернулся и подсел к столу Владимир. – От вас многое зависит. Я завтра тоже вылетаю в Забайкалье...

Лоскутов нахмурился еще больше. Это уже не лезло вообще ни в какие ворота. Они чего себе думают! Что он там едет развлекаться?

– Я ведь в том числе и лесом занимаюсь, Альберт Николаевич, – глядя Лоскутову в глаза своим невинным взором, продолжал говорить Володя. – От вас ведь ничего особенного не требуется. Вы там все равно будете встречаться с местным руководством. Вы просто скажите соответствующему человеку, что я ваш родственник и мне надо помочь. А уж я сам дальше. Мне бы только крючок туда запустить, а рыбка сама клюнет.

– Если ты, Алик, сомневаешься, – затараторила рядом Люба, – то не сомневайся. Володя человек порядочный, и бизнесмен он правильный, не как эти... современные. Он о людях думает, о рабочих своих.

Лоскутов вздохнул. Прерывать при постороннем, пусть и родственнике, он жену не хотел. Непонятно было, чего она так старается? Эта ее Галка из... Краснодара, с которой она тысячу лет не виделась и, по-моему, не стремится... Непонятно.

– Ой, пойду руки помою, – вдруг вскочил со стула и виновато улыбнулся Володя.

Люба проводила молодого человека взглядом, а потом пересела поближе к мужу.

– Алик, ну пожалуйста! – горячо зашептала она. – Надо помочь парню. Ты ведь ничем не обязан и ничего тебе это стоить не будет. Пару раз скажешь кому надо словечко и забудь. А Вова сам пробьется, он сообразит, как свое знакомство с тобой использовать, даже не знакомство, родственные связи. Ты ведь не письменно за него просишь! А этих людей, больших бизнесменов всяких из той дыры, ты их еще сто лет не увидишь. Ну, Алик!

– Неприятный он какой-то, – начал сдаваться Лоскутов. – Наглый. И что это твоя Галка все время мужей меняет?

– Он не наглый! – снова зашептала Люба. – Это тебе показалось. А на самом деле он скромный и стеснительный. Это он от смущения так тебе показался.

– Ой, Любаша, – покачал снисходительно головой Лоскутов и погладил жену по щеке. – Какая ты наивная. Не бывает бизнесменов скромных, стеснительных, смущающихся. Либо он бизнесмен, либо все остальное. Там через людей перешагивают, там глотки рвут. В бизнесе-то!

Глава 3

– Не понимаю, – ворчал Коневский, просматривая новостную ленту в Интернете, – хоть ты тресни, а я не понимаю.

– Чего ты не понимаешь? – вытирая руки тряпкой, поинтересовался Паша.

Они уже двое суток прочесывали населенные пункты, расположенные вдоль трассы «Амур» в Жарковском районе. Выдавший виды «уазик» выглядел убого только внешне. Все, что касалось ходовой части и двигателя, было исправно и много раз проверено и отрегулировано. Танкер лично в Москве проверял перед отправкой все машины, на которых будет работать группа в Забайкалье. В лаборатории инженеры потрудились на славу, и этот монстр мог выдержать и не такие пробежки, хоть участвовать в ралли Париж – Дакар. А при желании на нем можно было развить скорость до... Правда, никто не собирался этого делать, потому что «уазик» – это вездеход, а не гоночный болид. И на своих жестких рессорах он на уклонах начинает так скакать, что удержать его на дороге бывает невероятно сложно. Не зря их зовут в народе «козликами».

Сейчас Паше пришлось менять пробитое колесо, с этим ничего не поделаешь, и даже на проселках в тайге можно поймать штырь или гвоздь. Теперь придется ехать и искать шиномонтаж, чтобы не остаться без запаски в непроходимых местах. А ездить им придется еще много. Первое, с чем столкнулась пара оперативников, обследуя местность, где предстояло проезжать президенту, это известие об исчезновении мотоциклиста-путешественника. Последний раз он выходил на связь из этих мест, а потом как в воду канул. И теперь придется заниматься еще и этим фактом, потому что неизвестно, что за ним стоит, а оставлять за спиной огромный район с такими криминальными характеристиками нельзя, если ты взялся охранять такое значимое лицо, на которое, кстати, возможно покушение. Значит, нужно разобраться, установить причины произошедшего, сделать выводы, удостовериться, что это не имеет отношения к их охранной миссии, что это не часть чего-то опасного для «объекта».

– Так что ты не понимаешь? – спросил Паша, усаживаясь на водительское сиденье.

– Всего не понимаю, – снова проворчал напарник. – Знать эти места по рассказам друзей и все-таки поехать одному, знать, что тут опасно, и так рисковать? Смысл, Паша, какой смысл?

– Ты прагматик, Серый, – пожал Паша плечами, – тебе не понять, что такое путешествие, что такое ехать и ехать в незнакомую даль, что такое оседлать мотоцикл и отправиться на нем путешествовать. И не какой-то там мощный и сверхскоростной байк, а вот такую простую «Ямаху», обыкновенный скутер. И ехать неторопливо, любуясь природой, вдыхая воздух природы, наслаждаясь, ночуя в палатке, снимая на камеру все дивные места, которые повстречаются на пути. Для этого, Серый, надо быть романтиком! А они все романтики – эти поклонники мотоциклов. Это не сообщество любителей – это именно поклонники, адепты собственной религии, это целая культура внутри национальной, а скорее межнациональной культуры.

– Это называется субкультура, – без всякого энтузиазма вставил Коневский.

– Да, и с этим надо считаться и уважать их носителей.

– Я и не возражаю против увлечений, пусть они и охватывают очень большие массы народа. Я против беспечности, Паша. Против бессмысленного риска. Ты посмотри, что теперь творится! Его друзья и единомышленники всех на уши поставили, сюда уже едут группы волонтеров, чтобы начать поиски своими силами. Потому что местная полиция, видимо, не чешется.

– И все-таки я не понимаю, Серый, что нас в этом деле должно волновать. Как-то ты пространно объяснил.

– Чего же непонятного? А если это не просто проявление бандитизма? Если этот парень стал свидетелем того, чего видеть никому было нельзя. Например, подготовки к покушению на президента? Может, он ехал, а они фугас маскировали на трассе. Не думал об этом? Нас с

тобой, дружок, все должно волновать, что выходит за рамки обыденности! А еще больше то, что ничего за эти рамки не выходит.

– Слишком хорошо тоже не хорошо? – рассмеялся Паша, заводя мотор «уазика». – Ладно, поехали искать шиномонтаж. Их тут кот наплакал, тут вообще ничего нет, хоть караул кричи. Важная трасса, а инфраструктуры никакой.

Рев моторов минут через тридцать возвестил о том, что где-то рядом кипит жизнь, работает техника. Паша вывернул руль, выскочил из глубокой колеи на лесной дороге и повел машину по правому краю, почти задевая придорожные кусты. Здесь было посуше и «уазик» не кидало из стороны в сторону.

Коневский, умудрившийся прикусить язык во время этой дикой тряски, держался за поручень перед собой двумя руками и тихо матерился. Однако попыток забрать руль у Паши Алексеева не делал: понимал, что Паша таежный житель, Паша тайгу знает с детства и лучше него машину тут никто не проведет.

Как-то неожиданно деревья расступились широким коридором, обнажив огромную лужу с изрытыми большими колесами берегами. И в этой луже, как океанский лайнер, красовалась большая синяя фура. Точнее, она не красовалась, степенно переваливаясь на волнах, а дергалась, рычала, дымила соляркой и вообще создавала вокруг себя столько шума, как будто тут располагался большой автопарк.

– Повезло парню, – прокомментировал Паша, забирая правее, чтобы объехать забуксовавшего дальнбойщика по траве. – Мозгов нет – считай, калека.

– Ну-ка, причаливай! – вдруг заинтересовался Коневский, перейдя, видимо, тоже из-за родственных ассоциаций, на морскую тематику.

– Чего, помочь хочешь? – вяло поинтересовался Паша, глядя с сомнением на большую и глубокую лужу. – У нас день пропадет, если тут задержимся.

– Эх ты! Выпускник ускоренных курсов! – похлопал Коневский его по плечу. – Кто общительнее всех на свете? Шофера! Тем более дальнбойщики. Но при каких условиях? Ясно, что с незнакомыми они болтать лишнего не будут. А вот с теми, кто из беды выручил, они, дорогой мой, наизнанку вывернутся. Учись, салага!

Коневский выскочил из «уазика» и побежал к застрявшему «КамАЗу». Остановившись перед лужей, он присел, заглянул под колеса машины, потом суетливо прошелся вдоль берега, что-то прикидывая. По всему было видно, что он готов помочь. Наверняка он демонстрировал это желание перед водителем «КамАЗа» и его напарником. Получалось убедительно.

«КамАЗ» перестал реветь и дергаться. Двигатель замолчал, прошипев несколько невнятных слов пневматикой и гидравликой. Потом распахнулась дверца кабины, из нее показался крупный мужчина с мясистым носом и обширной лысиной между атолом седых непослушных волос.

– Слышь, земляк, – хрипло прокричал водитель. – Тут трактор найти есть где? Вроде где-то дорогу делали!

– Хрен ты чего сейчас найдешь, – зычно крикнул Коневский и махнул рукой. – Там уже все на автобусе уехали. До утра тебе куковать!

Открылась вторая дверь, и на подножку выбрался напарник камазиста – шуплый мужичок в комбинезоне и черной засаленной бейсболке. Он осмотрел лужу, прикинул что-то в голове и стал тихо ругаться.

– У вас трос есть? – поинтересовался Коневский.

– Ты че? – удивился лысый. – Твоей таратайкой мои восемь тонн? Из болота бегемота?

– Идея есть, – спокойно ответил Коневский. – Сапоги есть? Выплывай на берег, обсудим.

Паша заинтересовался. Он решил, что будет странным, если он останется сидеть в машине. Неторопливо он вылез на подножку и спрыгнул на мокрую траву. Идей в его голове

не было, и что придумал Серый Коневский, оставалось только гадать. Он подошел к группе, когда они обсуждали предложение.

– Это дело испытанное, – спокойно рассказывал Коневский. – Я три года назад участвовал в пробеге через Алтай, так мы там один раз так сели... Короче! Закрепляем трос на ведущем колесе, вытягиваем вон до того дерева и там закрепляем жестко. Ты начинаешь потихоньку газовать, колесо в грязи буксует, но крутится. Трос наматывается, как в лебедке. Вот ты сам себя и вытащишь. Самое неприятное в этом деле – это потом лазить на четвереньках возле грязного колеса и трос выпутывать.

– Ёшкин кот! – почесал обширную лысину камазист. – А ведь дело! Хреново, что троса у нас... Сколько, Михалыч? Ты как-то перемерял...

– Шесть, – вяло отозвался напарник. – И запасной, старый наш – четыре. А тут метров двадцать надо!

– А вот это мы с дорожниками сейчас порешаем! – подмигнул Коневский и хлопнул Пашу по плечу, подталкивая к «уазику». – Сейчас сгоняем. Там сторожа по-любому есть возле техники. Уболтаем!

– Слышь, земляк! – щуплый камазист прошлепал в сапогах к машине, порылся, перегнувшись через сиденье, а потом спрыгнул в воду, держа в руках две бутылки водки. – На, подмажь мужиков. Так вернее!

Через два часа многострадальный «КамАЗ» стоял на сухом твердом грунте, а с его боков и днища контейнера стекала грязная вода и отваливались комки грязи. Поняв намек Коневского, Паша развел костер на опушке возле двух старых пней. Камазисты выволокли складной столик и два легких складных стульчика. Переодевшись в сухое и чистое, они оказались приличными и очень разговорчивыми дядьками. А уж когда Коневский вернул обе бутылки водки, которые сторожа на трассе у него не взяли, то разговор пошел совсем душевно.

Лысый оказался дядей Васей, щуплый назвался попросту Михалычем, и оба они были из небольшого поселка под Хабаровском. Но эти места знали хорошо, потому что уже больше десяти лет крутили баранку и по этой трассе, и по многим другим в Восточной Сибири, в Приморье, на Дальнем Востоке. И даже несколько раз мотались на Урал.

– Всякого повидали, – сплевывая сквозь зубы и показывая многочисленные наколки на руках, рассказывал Михалыч. – Довелось мне отсидеть за... короче, за аварию... с последствиями. И там, – Михалыч кивнул куда-то за спину, – народец непростой. Но там имеются понятия, и по этим понятиям народец пытается жить. Бывало всякое, но такого, чтобы...

Михалыч закурил «Приму», сплюнул снова, потом снял с языка табачные крошки и стал смотреть в огонь.

– Да, было одно дельце, – подтвердил дядя Вася, покосившись на напарника. – Это ему вспоминать неприятно. Его чуть снова не замели тогда. Судимый, сразу подозрения! А дело было такое: напали на нас, когда мы ночью остановились поспать. Туман был сильный, такой, что в двух шагах ничего не видно. И стояло нас три фуры на опушке.

А дальше был рассказ, как ночью в дверку постучали, как Михалыч решил, что это водилы с другой фуры, и открыл дверь. Как его схватили за воротник и вышвырнули из машины. Дядя Вася спал на заднем спальном месте и не сразу понял, что произошло. А когда понял, то стал драться. Он хоть и невысок ростом, но был силен. Сказывалась служба в молодости в морфлоте.

И пока с ним дрались трое бандитов, пока они пытались выволочь его из кабины, то совсем забыли про щупленького мужичка, которого выкинули на землю первым. А Михалыч, очухавшись после сна и падения о землю, первым делом осмотрелся и кинулся к другим машинам. За помощью. А там...

– Одна-то под утро, видать, ушла, – вставил Михалыч. – Как холодком туман прибило, так и ушла. Видать, сроки их поджимали. А вторая стояла. Я как увидел, что дверь с водительской

стороны открыта, так и понял, что беда. Один головой свесился на противоположную сторону, и только нога у него подергивалась. Нехорошо подергивалась. Я сразу понял, что у живых так не бывает. А напарник его как лежал сзади, так и остался. Только глаза стеклянные в потолок уставил. И столько в них боли было, в этих мертвых глазах... Я сразу семью вспомнил, сразу подумал, а как мои узнают, что я вот такой же холодный лежу в тайге. И до того меня злобой страшной заполнило, что...

Двоих Михалыч убил голыми руками. Точнее, одного он убил, запрыгнув ему на спину и крутанув голову как умел. Не сразу получилось, противно захрустело, но обмяк один бандит. А второй все понял и кинулся на Михалыча из кабины. И получилось так, что они, схватившись, так и рухнули вниз вместе. Михалыч-то плечом ударился, вывих получил. А бандит головой. Говорят, что перелом основания черепа.

А третьего дядя Вася скрутил. Потом, когда уже вовсю следствие шло, когда Михалыча как подозреваемого уже арестовали, опер один, молодой такой, порядочный, сказал:

– Эх, мужики! Лучше бы вы и третьего кончили там в лесу. Проще вывернуться бы вам было.

Разговор был о том, что оставшийся в живых бандит был самым молоденьким, бывшим студентом. И повернул он со своим адвокатом так, что это Михалыч с дядей Васей убили других камазистов, а еще хотели несчастных заблудившихся путников убить и ограбить. А «путники» всего лишь просились погреться в кабину.

– Обошлось? – спросил Коневский.

– Не знаю уж, каким чудом, – тихо ответил Михалыч. – Ну, наша братва, конечно, в дело ввязалась. Петиции писали в прокуратуру. Даже пикет перед зданием местной полиции устраивали. Может, это помогло. А может, доказательства какие нашлись на этих упырей.

– Такие вот тут места, ребята, – заключил дядя Вася. – У нас ведь как в стране. Если порядок, если все ровно и гладко, тогда и на дорогах порядок. А как только кризис какой экономический или контроля нет, так сразу всякое дерьмо повылазит из углов. Тут ведь никто не работает. Полиция, прокуратуры всякие – эти не работают, но зарплату получают. А народец местный? Работать негде, а кто и работает, то у тех зарплаты маленькие. И первым делом на дорогу с кистенем. Или свистнуть чего, что плохо лежит. Провода вон со столбов тащат, железо с баз. Так вот.

– А еще дорога такая, что убиться можно, – проворчал Михалыч. – Вы по ней отмахайте две с половиной тысячи верст и посмотрите, что с вашим аппаратом станет. Это мы тут давно ездим, каждый ухаб, каждую яму знаем. А тот, кому в диковинку? А мосты? А весной, когда речушки разлились, а осенью, когда дожди неделями моросят? То-то. Потому трассу «Амур» в народе зовут не иначе как «Дорога смерти». Кого убьют, кто сам убьется, кто машину замордует до смерти. Так-то...

Стас Бахтеев имел большие и очень белые зубы. Был он парнем обычным и ничем не выделяющимся. И роста среднего, и лицом обычен. Но вот зубная эмаль какая-то у него была особенная или в организме чего-то было в избытке, но эти зубы были видны всем и почти всегда. Любил Стас их скалить по поводу и без повода. Ребята частенько звали его Клык или Зубы. Но это так, за глаза и в шутку, а позывной Стас имел Кусок. Прилепился этот псевдоним за ним давно, еще с тех пор, как уволился в запас после службы по контракту в звании старшины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.